

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Институт гуманитарных наук
Кафедра русской литературы

На правах рукописи

Волохова Татьяна Витальевна

ПОЭТИКА ОРИЕНТАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ Л.В. СОЛОВЬЕВА

Направление подготовки
45.06.01 Языкознание и литературоведение
Направленность (профиль) образовательной программы
«Русская литература»

Научный доклад
об основных результатах научно-квалификационной работы
(диссертации)

Научный руководитель

доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры русской литературы
Шафранская Элеонора Федоровна

Москва
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Основное содержание.....	13
Заключение.....	23
Список работ, опубликованных по теме НКР.....	25

ВВЕДЕНИЕ

Писатель Леонид Васильевич Соловьев (1906–1962) вошел в историю русской литературы своей дилогией о среднеазиатском фольклорном персонаже Ходже Насреддине: «Возмутитель спокойствия» (1940) и «Очарованный принц» (1954).

Биография Соловьева тесно связана со Средней Азией: там он вырос, учился в школе, начал заниматься журналистикой. Прославивший Соловьева на весь СССР его персонаж Ходжа Насреддин – родом из устных нарративов, причем не какого-то одного народа, и не только народов Средней Азии, но и более широкого ареала. В литературной – соловьевской модификации этот персонаж получает некую образную завершенность.

Писательская и человеческая судьба Леонида Соловьева, с одной стороны, уникальна, с другой – вполне сопоставима с поколением советских граждан середины XX века: в 1940-е годы, практически на пике всесоюзной славы, Соловьев был репрессирован за «антисоветскую деятельность». Но судьба вручила ему «подарок»: писателю разрешили творить в заключении. Так, второй роман (или повесть – нет канонического заключения; сам Соловьев называл части дилогии романами, публикаторы – повестями) дилогии был написан именно в тюрьме. Его книги не уничтожили, его самого не расстреляли, в то время как фигуранты-писатели, присутствующие в следственном деле Соловьева, были расстреляны.

Актуальность нашей квалификационной работы связана с постсоветской рецепцией творчества Л.В. Соловьева. Большинство исследователей XX века обходит период в биографии писателя, связанный с арестом и заключением (даже в исследовании 1980 года И.В. Кольцовой¹ об этом не упоминается). В XXI веке о биографии «забытого» писателя Леонида Соловьева, с акцентом на трагических перипетиях его судьбы, написано

---

¹ *Кольцова И.В.* По следам Насреддина: Дилогия Л. Соловьева о Ходже Насреддине. Ташкент: Изд-во литер. и иск. им. Гафура Гуляма, 1980. 112 с.

немного, в основном лаконичные статьи². В современном культурном пространстве ощутил вдруг вспыхнувший интерес к личности и творчеству Л. Соловьева, о чем свидетельствуют упоминания писателя в интернет-блогах, интернет-постах. Российский композитор Георгий Васильев (известный по мюзиклу «Норд-Ост») по мотивам произведений Л. Соловьева создает мюзикл «Ходжа Насреддин». Константин Фрумкин, российский культуролог, в аккаунте одной из соцсетей цитирует Г. Васильева – по словам последнего, «в советское время было два великих писателя – В. Каверин и Л. Соловьев» (2020. 9 декабря). В 2022 году ушел из жизни иранский писатель Ирадж Пезешк-зод, автор сатирического романа «Ходжа Насреддин при дворе Гарун аль-Рашида» (не переведенный на русский язык). Ходжа Насреддин стал героем ряда многожанровых произведений современного российского автора Тимура Зульфикарова: «Первая любовь Ходжи Насреддина» (1985), «Возвращение Ходжи Насреддина» (1987), «Странствия Ходжи Насреддина в XXI веке» (2021).

Настало время включить творчество Л.В Соловьева в дискурс ориенталистских и посториенталистских штудий. По словам литературного критика А.И. Рейтבלата, проблематика русского ориентализма существует, и она «постепенно разрабатывается, по большей части на материале жизни и деятельности того или иного востоковеда или человека искусства»³. Таким образом, нашей квалификационной работой мы попытаемся включиться в этот процесс – исследование русского ориентализма в широком плане и в узком – творчества Л.В. Соловьева: представленный материал НКР показывает особенности поэтики русского ориентализма XX века на примере всем

---

² Автору НКР принадлежит статья: *Волохова Т.В.* Он мечтал стать дервишем: биография Леонида Соловьева // «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...» Забытые писатели: Сб. науч. статей. СПб.: Свое издательство, 2019. С. 185–199.

³ *Рейтблат А.И.* «Ориентализм» и русский ориентализм (Обзор книг по ориентализму в русских востоковедении и литературе) // Новое литературное обозрение. 2020. № 1(161). С. 392.

известной диалогии о Ходже Насреддине, а также текстов Соловьева, никогда прежде не исследованных.

Два ключевых термина в теме нашей НКР требуют контекстуального пояснения.

Ориентализм – дискурс о Востоке. В «постсаидовских» исследованиях под ориентализмом принято понимать изображение Востока с позиции человека западных ценностей – с позиции превосходства. И какими бы ни были точки зрения оппонентов Эдварда Саида, от такого толкования уже не уйти. Сегодня в науке исследуется прецедент «русского ориентализма», вызревшего в процессе колониальных и постколониальных рефлексий XIX–XX веков.

Поэтика – литературоведческий раздел, изучающий систему средств выражения, образности, генезис мотивов и образов. По словам М.Л. Гаспарова, поэтический анализ текста приводит к выявлению «образа мира» и «образа автора», их взаимодействию, которое рождает «точку зрения», явленную в художественном тексте⁴. В этом высказывании зафиксирована в виде арматуры вся суть нашего исследования. Мы выявляем те «кирпичи», строительный материал, который называем паттернами и которые складывают образ мира – восточного мира в изводе писателя Леонида Соловьева. Также мы пытаемся проникнуть в мировоззрение автора, скрытое по ряду причин, объяснимых спецификой истории и идеологии XX века, от читателя. Именно взаимодействие этих категорий – образа изображенного мира Востока и образа автора, не только того, который присутствует в художественном тексте, но и того, который стоит за ним и желает быть невидимым, создает ориентальный мир Леонида Соловьева.

Степень разработанности темы НКР. Ромнам Л. Соловьева о Ходже Насреддине посвящены две филологические диссертации, защищенные в 1970-е годы – Ф.Н. Юлдашевой, «Проблема типизации образа народного героя

---

⁴ Гаспаров М.Л. Поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003. С. 786–787.

Ходжи Насреддина Афанди»⁵, и И.В. Кольцовой, «Диалогия Л. Соловьева о Ходже Насреддине»⁶, по результатам второй в 1980 году вышла монография. Однако по идеологическим и политическим причинам, а также за отсутствием доступа в XX веке к архивным документам многие факты биографии Л. Соловьева замалчивались, их связь с поэтикой его прозы в исследованиях не упоминалась.

Цель исследования – выявить паттерны в повествовании Соловьева, из которых складывается ориентальный вектор его прозы.

Для реализации поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- объяснить приверженность Леонида Соловьева к Востоку;
- с опорой на документы, воспоминания современников и тексты Соловьева раскрыть мировоззрение писателя;
- рассмотреть понятие *ориентализм* в контексте современных исследований;
- вычленить среднеазиатские социальные типы в прозе Соловьева, которые выполняют функцию паттернов ориентализма;
- проанализировать повесть «Кочевье» в контексте поэтики ориентализма;
- рассмотреть фольклорную поэтику образа Ходжи Насреддина;
- вычленить локусы в прозе Соловьева, выступающие в роли паттернов ориентализма.

Объект исследования – ориентальная проза Леонида Соловьева.

Предмет исследования – паттерны ориентализма в прозе Леонида Соловьева.

Материалом исследования стали диалогия Л.В. Соловьева («Возмутитель спокойствия», «Очарованный принц»), его повести, рассказы и очерки: «Кочевье», «Восточные рассказы», «Солнечный мастер»;

---

⁵ Юлдашева Ф.Н. Проблема типизации образа народного героя Ходжи Насреддина Афанди: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1974. 22 с.

⁶ Кольцова И.В. Диалогия Л. Соловьева о Ходже Насреддине: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1973. 26 с.

следственное дело Л. Соловьева (архив ФСБ), письма Л. Соловьева к родителям и сестрам, письма сестер Л. Соловьева, адресованные писателю А.А. Фадееву, литературному критику Д.М. Молдавскому (архив РГАЛИ), а также произведения других авторов: Н.С. Лескова («Несмертельный Голован», «Очарованный странник»), Н.Н. Каразина («Тюркмен Сяркей», «Портрет», «Тьма непроглядная» и др.), В.В. Крестовского («В дальних водах и странах»), А. Вамбери («Путешествие по Средней Азии»), Б. Тагеева Рустам бека («Юнуска арбакеш»), А.П. Платонова («Джан»), Э.М. Аленник («Напоминание»), В.С. Витковича («Круги жизни»), мемуарные повествования В.В. Верещагина, Н.С. Лыкошина, В.В. Стратонова, Е.М. Мелетинского, фольклорные тексты: о Ходже Насреддине, «Кара-Джигит» (былина среднеазиатских кочевников), сказка о женском ханстве, крымскотатарские анекдоты об Ахмете Ахае.

Методологически НКР выполнена с опорой на современные труды по ориентализму и ориенталистике, в частности, исследования Эдварда Саида («Ориентализм: Западные концепции Востока», «Культура и империализм»), Роберта Джераси («Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России»), Веры Тольц «Собственный Восток России: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период», монографию Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе «Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции», сборники статей «Ориентализм vs ориенталистика», «Ориентализм/оксидентализм: языки культур и языки их описания», работы Э.Ф. Шафранской («Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий)», «Каразин! Азия!» и др.), а также на работы по литературной и фольклорной поэтике: «Поэтика» М.Л. Гаспарова, «О психологической прозе» Л.Я. Гинзбург, «Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов» Б.О. Кормана, «Герой волшебной сказки» Е.М. Мелетинского, «Трикстер:

Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями» П. Радина и др. И связующим все эти труды стала работа современной французской исследовательницы Паскаль Казанова «Мировая республика литературы».

Методы исследования обусловлены спецификой поставленных в настоящей работе научных цели и задач: биографический метод анализа, культурно-исторический, сравнительно-типологический, метод культурологического комментирования.

Теоретическая значимость НКР заключается в дальнейшем обновленном этапе изучения поэтики ориентализма художественных текстов русской литературы.

Представленный в НКР материал может послужить как для теоретических курсов лекций и практических занятий по ориентальной литературе, так и войти в курс изучения истории литературы XX века – в этом мы видим **практическую значимость** нашей работы.

Научная новизна. В работе выявлены и описаны паттерны ориентализма прозы Л. Соловьева, которые входят в круг поэтики ориентализма и уже – творчества Л. Соловьева, как-то: сделан обзор современных точек зрения на явление и понятие *ориентализм*; вычленены из прозы Л. Соловьева, описаны и прокомментированы *ориентальные* социальные типажи (*беданабоз, табиб, целитель, тащишка, масхарабоз, уйинчи, учитель, басмач*), выполняющие функцию паттернов ориентализма; впервые в научный дискурс введена аналитика повести «Кочевье»; фольклорная поэтика образа Ходжи Насреддина представлена в рецептивной научной практике постсаидовской эпохи; рассмотрен рассказ Л. Соловьева «Солнечный мастер» как метафора взглядов писателя на литературу и искусство (этот рассказ никогда не анализировался); также в НКР включены архивные материалы, не становившиеся фактом научного исследования.

Апробация научно-квалификационной работы осуществлялась в виде прочитанных докладов:

– «Образ художника в ориентальной поэтике Леонида Соловьева» на десятой Международной научной конференции «Язык, культура, общество» (Российская академия лингвистических наук, Московский институт иностранных языков, 27–28 сентября 2019 г.);

– «Базар – поликультурное пространство в ориентальной литературе» на «Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве» в секции «Локусы и этносы в литературе и культуре» (МГПУ, 17 апреля 2021 г.), а также опубликованных шести статей в журналах и сборниках (4 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ).

Также во время прохождения аспирантской педагогической практики прочитана лекция (2 академических часа) «Жизнь и творчество Леонида Соловьева», посвященная писательской судьбе Соловьева, в которой отражены не только перипетии его личной биографии, но и всего непростого XX века: был сделан акцент на истоках романов Соловьева, составивших прославленную дилогию о фольклорном персонаже Ходже Насреддине. Прочитанная лекция входит в учебную дисциплину «Литературный процесс XX века», была адресована студентам 4 курса бакалавриата по направлению «Филология» в ИГН МГПУ (группы ЗФАН 171–172), 30 марта 2021 г.

Положения, выносимые на защиту, соответствуют поставленным задачам:

1) Приверженность Л.В. Соловьева к Востоку объясняется, в первую очередь, фактами его биографии, а во вторую – интересом к культуре другого народа: отсюда увлечение Соловьева фольклором, отсюда и анекдотический факт его творческой биографии, связанный со лжефольклором, отсюда и его яркий образ *низкого* фольклорного героя Ходжи Насреддина.

2) О мировоззрении Л.В. Соловьева нигде никогда никто не писал, нам было важно разобраться со взглядами писателя. В какой-то степени нам помогли архивные документы, в частности, протоколы допросов Соловьева, в которых он в той или иной мере искренности, припертый к стене, говорит о

своих взглядах, сомнениях, отношении к существующему режиму, о плачевном состоянии советской литературы. Эти документальные высказывания Соловьева соотносятся с его рассказом «Солнечный мастер», суть которого в том, что запреты и идеологические препоны противоречат природе искусства.

3) Ориентализм, давняя интенция художественного творчества, переосмысляется на рубеже XX–XXI веков: именно с новых позиций важно и интересно посмотреть на ориентальный вектор прозы Л.В. Соловьева, увидеть причины его появления, акценты, которые делает писатель, сделать наблюдения и выводы, сопряженные с историческим контекстом и с современной рецепцией.

4) В среднеазиатской повседневной жизни внимание русских ориенталистов – писателей, историков, публицистов – привлекали люди, выполнявшие какие-то специфические профессиональные функции, или социальные типы. Они встречаются повсеместно в ориентальной литературе о «русском востоке»: *беданабоз, табиб, целитель, тащишка, масхарабоз, уйинчи, учитель, басмач*. Их подробно описал Соловьев в цикле «Восточных рассказов» – с бытовыми, психологическими, социальными комментариями. Этот пласт прозы Соловьева мы относим к паттерну ориентализма.

5) В поэтике повести Л.В. Соловьева «Кочевье» ярко представлен корпус ориентальных паттернов: словесный фольклор, обрядовая и ритуальная жизнь народов Средней Азии. Отличительной особенностью этой ранней повести Соловьева выглядит позиция повествователя, не традиционного для ориентализма стороннего наблюдателя, то есть чужого, – субъект повествования слит с его объектом, представляет единое целое: русская литература заговорила голосом чужеземца.

6) Образ Ходжи Насреддина в истории отечественной литературы и культуры слит воедино с именем Леонида Соловьева. Именно эта и только эта составляющая творчества писателя стала объектом исследования

литературоведов. Тем не менее мы в очередной раз представили аналитику этого образа, рассмотрев такие его грани, как идеальный герой, но необычный, соединяющий в своей поэтике как *высокое*, так и *низкое*, архетипы *трикстера* и *культурного героя*, *плута* и *суфия* (эта сущность героя в советское время не рассматривалась по идеологическим причинам). Как у праведников, которых при жизни за таковых не принимают, после смерти нет могилы, так нет и точного места захоронения Ходжи Насреддина.

7) В традиции, заложенной в мировом ориентализме Арминием Вамбери, Л. Соловьев изображает главные среднеазиатские локусы – базар и чайхану – как формы коммуникации на Востоке.

Структура работы: НКР состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы (121 наименование). Объем НКР – 126 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении указаны актуальность, цель и задачи исследования, материал, объект и предмет НКР, обозначена ее новизна, теоретическая и практическая значимость, описаны методологическая база и методы исследования, апробация и структура НКР.

Первая глава «Восток в судьбе Леонида Соловьева» состоит из трех параграфов.

В параграфе 1.1. «*“Я должен быть дервишем”*: литературная судьба писателя» по опубликованным воспоминаниям современников Л. Соловьева, по переписке писателя с родителями и сестрами, по письмам Е.В. Соловьевой и З.В. Соловьевой с литературным критиком Д.М. Молдавским и др. воссоздана биография писателя, его связь с Востоком. По утверждению Е.В. Соловьевой, творчество Л.В. Соловьева неотделимо от темы Средней Азии. В частности, она, сравнивая своего брата, жившего в детстве и юности в Средней Азии, и того взрослого человека, который последние годы жизни провел в Ленинграде, пишет, что внешне это будто два совершенно разных человека. Но это только внешне, а в глубине души он до конца оставался все тем же мечтателем⁷. Именно от Е.В. Соловьевой мы узнаем, что Л.В. Соловьев владел узбекским языком – но лишь в той степени, чтобы объясняться в бытовых ситуациях, в совершенстве же он им не владел⁸ (вопреки растиражированному мнению, что Соловьев – прекрасный знаток узбекского языка, это свойство мифологизированной биографии писателя). Е.В. Соловьева сообщает, что, разъезжая по кишлакам, Л.В. Соловьев обходился в быту без переводчика, но для серьезной беседы, для записи фольклора ему был необходим толмач. Дома, в Коканде, «толмачила» обычно его жена, Е.П. Беляева, «свободно болтавшая по-узбекски и по-таджикски».

---

⁷ См.: Письма Соловьевой Екатерины Васильевны Д.М. Молдавскому // РГАЛИ. Ф. 2873. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 4–6.

⁸ См.: Там же. Л. 1.

Е.В. Соловьева убеждена, что Л.В. Соловьев прежде всего был и до конца остался «азиатом», что запаса впечатлений, вынесенных им из Средней Азии, ему хватило бы на всю жизнь⁹.

В.С. Виткович, друг Л.В. Соловьева, пишет в повести «Круги жизни», как Соловьев тянулся ко всему узбекскому, любил после уроков гулять по базару, его притягивали базарные певцы и рассказчики. Именно эта его страсть позже воплотится в повествовании о Ходже Насреддине: она написана от лица рассказчика, с головой погруженного в народный юмор, узбекскую языковую среду¹⁰.

Л.В. Соловьев признавался Витковичу: «Знаете, Витя, если бы я родился в узбекской семье и жил до революции, я бы, верно, брэнчал на дутаре и гнусавым голосом пел на базаре»¹¹.

Л.В. Соловьеву было уютно и интересно жить в крае, казавшемся «странным миром, невообразимым смешением времен, звуков, красок и запахов»¹².

Параграф 1.2. «Мировоззрение Леонида Соловьева. Образ художника в прозе писателя» раскрывает мировоззрение писателя, с одной стороны, нонконформистское, с другой – отвечающее установкам советской идеологии. В «Следственном деле» Л.В. Соловьева взгляды писателя названы «антисоветскими», якобы возникшими под влиянием на Соловьева его коллег, к моменту допроса уже репрессированных и расстрелянных писателей

---

⁹ См.: Письма Соловьевой Екатерины Васильевны Д.М. Молдавскому // РГАЛИ. Ф. 2873. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 1.

¹⁰ См.: Виткович В.С. Круги жизни: Повесть в письмах. М.: Мол. гвардия, 1983. С. 61.

¹¹ Там же.

¹² Соловьев Л.В. Повесть о Ходже Насреддине. Книга юности: Повесть и рассказы. Л.: Лениздат, 1990. С. 536.

И.И. Макарова¹³ и Д.Д. Егорашвили¹⁴. «...Его смелая, независимая манера держаться и говорить, его непривычная для меня бесстрашность в рассуждениях и писаниях, конечно, произвела на меня некоторое впечатление...»¹⁵, – признается на допросе Л.В. Соловьев, вспоминая И.И. Макарова.

«В беседах со мной Егорашвили проводил линию скептицизма, внушая мне мысль, что надо отличать действительные цели государства от его деклараций, лозунгов и обещаний, что все обещания, манифесты, декларации не более как клочки бумаги, нужные для того, чтобы сдвинуть, как он заявлял, несознательные массы на выполнение действительных целей государства, которые никому по существу, кроме очень ограниченного круга лиц, не известны. Любопытна была его манера отвечать на вопросы и, в данном случае, мои. Он никогда не говорил прямо, а отвечал в таком примерно роде: “ударничество? Да, конечно, это великое движение. Раз в газетах пишут великое, значит, великое”. Такая фраза, с виду невинная, но звучала злейшим издевательством. Несколько раз Егорашвили прорывался и высказывал недовольство окружающей действительностью и даже озлобленность. Помню, например, как он по поводу какого-то перемещения крупных работников партии и правительства, зло усмехаясь, сказал: “разыгрывают крыловский квартет, правителей из себя корчат, а сами в старшие дворники только годятся”»¹⁶ – из протокола допроса Л. Соловьева.

---

¹³ Макаров, Иван Иванович (1900–1937) – советский писатель, автор рассказа «Остров» (1930), романа «Миша Курбатов» (1936), печатался под псевдонимом Буйный, инициатор создания Рязанской ассоциации пролетарских писателей. Арестован в 1937 г. и обвинен в контрреволюционной террористической деятельности; расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁴ Егорашвили, Давид Дмитриевич (1896–1938) – советский писатель, автор романа «Василий Гамаюнов» (1934), зав. сектором современной литературы в Гослитиздате (Москва), арестован в 1937 г. и обвинен в контрреволюционной террористической деятельности; расстрелян, место захоронения – Московская обл., Коммунарка. Реабилитирован в 1955 г.

¹⁵ Следственное дело по обвинению Соловьева Леонида Васильевича // Центральный архив ФСБ России. Ф. Р–6235. 1946–1947. Л. 33.

¹⁶ Там же. Л. 35.

Архивные материалы: протоколы допросов и письма родным Л.В. Соловьева – говорят о некоторой «вольности», с точки зрения официальной идеологии, в суждениях писателя, о некоторых «расхождениях» его высказываний с пропагандистскими клише, а также о противоречиях в его мировоззрении. С одной стороны, он был убежденным советским гражданином, с другой – недоволен указующим перстом власти и ее репрессивным отношением к литературе. Об этом свидетельствует его признание: «...Я разговаривал с писателем Русиным Петром Михайловичем о положении писателей в СССР, причем я заявлял о несоответствии действительного положения вещей, официально утверждая о том, что в СССР созданы для литературного творчества все условия, в связи с чем литература деградирует, и что политическая сторона якобы заслоняет в литературе художественную сторону. Я высказывал мысль о заброшенности нашей литературы, наших писателей, заявлял, что по верхушке нельзя судить о положении всех писателей, которые сплошь и рядом живут в очень скверных условиях и благодаря этому не работают в полную силу»¹⁷.

Быть советским ориенталистом – означало воспевать все «чары» Востока, но при этом не забывать, что возможность цвести этим «прелестям» дала советская власть. А всё косное, все остатки феодализма в новой жизни Востока должны осуждаться. В какой степени следует этому вектору Л.В. Соловьев, мы попытались разобраться, проанализировав его рассказ «Солнечный мастер», посвященный сути творчества.

В основе сюжета – судьба мусульманского художника, которому, как и повсюду в исламе, было запрещено рисовать живых существ. Но его дар и желание отразить мир вокруг были выше запретов. В этой парадигме и предстает жизнь художника Усто Нур-Эддина, ставшего легендой. Соловьевский рассказчик как будто бы выступает рупором досоветского и советского ориентализма: он хулит «фанатический ислам», называя его

---

¹⁷ Следственное дело по обвинению Соловьева Леонида Васильевича // Центральный архив ФСБ России. Ф. Р-6235. 1946–1947. Л. 45.

«диктатурой мертвой и бессмысленной догмы»¹⁸, запрещающей изображение живых существ.

Соловьевский персонаж, художник Нур-Эддин не может совладать со своим даром, он жаждет рисовать мир, его окружающий. Ни запреты, ни молитвы учителя не останавливают его. В этом рассказе представлено творческое, писательское кредо Л.В. Соловьева.

В параграфе 1.3. «Проблема ориентализма в современной науке» освещен современный научный дискурс вокруг проблемы ориентализма. Ориентализм Л.В. Соловьева в свете современных ориенталистских штудий еще не исследовался. После выхода книги Э. Саида¹⁹ (1978) сформировались новые смыслы и контексты ориентализма. Если в досаидовскую эпоху ориентализм понимался как «безобидный» интерес к Востоку, то в послесаидовскую – стал проговариваться весь спектр этих интересов: от восхищения до пренебрежения, но всегда с константой доминирования. Современный научный дискурс имеет в виду наличие в ориентализме имперских интенций, европоцентристского взгляда на Восток. Безусловно, Л.В. Соловьев, сформировавшийся как советский писатель, хотя и получил срок в лагерях за «антисоветчину», писал свою ориентальную прозу, будучи встроенным в рамки классического ориентализма.

Ориенталистика, или востоковедение, – междисциплинарный дискурс по изучению истории, культуры, этнографии народов Востока. В каждом отдельном случае необходимо оговаривать, какой «восток» имеется в виду, так как эта номинация весьма расплывчатая – от Кавказа до Камчатки (в диапазоне отечественной географии, а мировой – много шире).

Предпринятый обзор современного ориенталистского дискурса дает возможность по-новому взглянуть на творчество Л.В. Соловьева – это рецепция постсаидовская, постсоветская, постсоловьевская. Сам

---

¹⁸ Соловьев Л.В. Солнечный мастер: Рассказ // Л.В. Соловьев. Собр. соч.: В 5 т. М.: Книговек, 2010. Т. 4. С. 172.

¹⁹ Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. 637 с.

Л.В. Соловьев, конечно, человек своей эпохи, с одной стороны, он был поставлен в такие условия, которые диктовали не только линию поведения, но и направление мысли. С другой – его тексты свидетельствуют о несогласии с «линией партии», о недоверии господствующей идеологии. С одной стороны, как писатель – Соловьев ориенталист, с другой – сомневающийся ориенталист, что в той или иной степени выражено и в его прозе, и в его судьбе.

Таким образом, исследовательский сюжет первой главы развивается от биографии писателя к его восточным рефлексиям – «он мечтал стать дервишем», от «инакомыслия» писателя, внутреннего сопротивления советской идеологии, подспудно угадываемого в рассказе «Солнечный мастер», до ареста и заключения. Рассмотрен главный вектор его прозы – ориентализм, в контексте современного научного дискурса.

Интерес Л. Соловьева к культуре народов Средней Азии объясняется фактами его биографии, особенностью его писательской оптики и филологического слуха – отсюда такой мощный фольклорный слой в его прозе. Человека свободного в творчестве и незашоренного, с самостоятельными взглядами, судьба бросает под каток сталинских репрессий, вынуждая сломаться и подчиниться власти и ее идеологии, что подспудно можно прочесть в ряде его произведений. Вписавшись в канон советского ориентализма, Л. Соловьев становится одним из ярких его представителей. В главе сделан обзор разных точек научного зрения на феномен ориентализма в рецепции современных исследований.

Вторая глава «Паттерны ориентализма в прозе Соловьева» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе 2.1. «*Социально-этнические типы Средней Азии*» рассмотрен цикл Л.В. Соловьева «Восточные рассказы»²⁰, в котором представлен ряд социально-культурных типов, несущих информацию о профессиях, являющихся воплощением специфики восточной

---

²⁰ Соловьев Л.В. Собр. соч.: В 5 т. М.: Книговек, 2010. Т. 2. 560 с.

среднеазиатской повседневности: это или исполнители определенной роли в обществе, или люди, увлеченные одним, главным делом их жизни. Их занятия и роли не вписаны в государственное устройство общества, это такие народные, «самозванные» социальные роли среднеазиатской жизни. Без них немислима картина мира Средней Азии, они были повсюду – там, где встречалось большое скопление людей – на базаре или в чайхане. Именно эти городские и кишлачные локусы были в фокусе журналистского внимания Л.В. Соловьева. Писатель попытался изобразить и осмыслить деяния этих «самозванцев» с бытовой, повседневной и историко-культурной точки зрения. Тексты, вошедшие в цикл «Восточных рассказов», по совокупности признаков, по предназначенности к публикации в газете следует отнести к очерковому циклу, но это не собственно публицистика, это всё же художественная литература.

Автор в очерках «Восточных рассказов» – газетчик. Именно как к представителю газеты относятся к нему его персонажи, а газета в советское время была рупором; обращаясь в газету, люди искали правды; попав на страницу газеты, можно было потерять службу, завершить карьеру или, напротив, прославиться, благодаря своему невидному в повседневности подвигу: «Райисполком расположен в углу базара. Вхожу. Спрашиваю Надырова. <...> Узнав, что я из газеты, очень обрадовался»²¹.

«Восточные рассказы» воспроизводят портреты безымянных людей, за которыми их профессиональные особенности, социальное положение, а также восприятие этих людей в обществе.

Уже само заглавие цикла – «Восточные рассказы» – ориентально по сути: оно указывает на *другую* культуру. Так реализуется функция очерка – просветительская. Л.В. Соловьев сполна использовал арсенал очерковой поэтики, как-то: документальные факты, бытовые сценки, публицистические рассуждения, мемуарное повествование, сюжетное повествование, морально-

---

²¹ Там же. С. 432.

нравственный дискурс, статистические данные и проч., – так Л.В. Соловьев создает многогранную картину среднеазиатской жизни периода становления советской власти. Все портреты, созданные Л.В. Соловьевым и рассмотренные нами во второй главе, содержат познавательный характер. Подобный аналитический подход имеет перспективное изучение: мы не рассмотрели все социальные типы, представленные Л.В. Соловьевым, их потенциал много шире, например, это среднеазиатские цыгане (в обиходе их называют *люли*), это поденные рабочие (*мардикеры*), а также местные поэты-исполнители (*бахши*) и др.

Во втором параграфе 2.2. «*Фольклор Средней Азии – главный паттерн ориентализма: повесть Леонида Соловьева “Кочевье”*» рассмотрена фольклорная составляющая прозы Л.В. Соловьева – на примере повести «Кочевье», также продолжено исследование проблемы ориентализма – но теперь не на материале очерковых текстов, а в художественной повести. Среди русских литературных ориенталистов, в чем-то схожих с Л.В. Соловьевым, упомянуты в типологическом аспекте ориентальные тексты Н.Н. Каразина и А.П. Платонова, чтобы выявить различие между ориентализмом XIX века и советским. Пунктиром упомянуты в качестве перспективного исследования в этом же аспекте тексты современников Л.В. Соловьева – Сигизмунда Кржижановского и Павла Зальцмана.

Изображение в текстах Л. Соловьева обрядовой культуры, ритуальных практик народов, населяющих Туркестанский край, – главный паттерн ориентализма. В поэтике повести «Кочевье» выявлена одна специфическая черта: субъект повествования, ориенталист, – не сторонний аналитик и наблюдатель другой культуры, он сливается с объектом изображения – так в русской литературе раздается голос инородца.

Постколониальные интенции «Кочевья» только в XXI веке, с его рецептивными практиками постколониальных штудий, могут быть прочитаны, выявлены и атрибутированы. Л.В. Соловьев не единственный автор, который подспудно ощущал эти проблемы: о них размышляли его

современники. Например, Сигизмунд Кржижановский в очерковом травелоге «Салыр-Гюль»²² (1933), Павел Зальцман в романе «Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии)»²³ (1930–1950-е). Как загадочна непубличная жизнь повести «Кочевье», так же полна интриги непечатная жизнь упомянутых текстов Кржижановского и Зальцмана. «Салыр-Гюль» не была опубликована при жизни автора, лишь небольшой фрагмент, названный «Скитаясь по Востоку», был напечатан в журнале «Тридцать дней» (1930-е), а полный текст впервые опубликован в собрании сочинений С. Кржижановского в 2003 году (том 3). П. Зальцман, известный при жизни художник (но не писатель), роман «Средняя Азия в Средние века...» создавал закодированным и зашифрованным, о романе никто ничего не знал; лишь на рубеже 10–20-х годов XXI века его близким удалось восстановить текст неоконченного романа и опубликовать его. И «Кочевье» Л.В. Соловьева тоже было предано забвению. Теперь, когда эти произведения можно прочитать, мы можем утверждать: они предвосхитили наше время, когда реально можно проговаривать и артикулировать те проблемы, которые писатели 1930-х годов вынуждены были камуфлировать под эзопов язык и аллегории.

В третьем параграфе 2.3. «*Фольклорная поэтика образа Ходжи Насреддина*» содержится аналитика образа главного героя дилогии Л.В. Соловьева – Ходжи Насреддина, учитывающая мифологический, фольклорный и литературный контексты. Ходжа Насреддин – образ амбивалентный, раздваивающийся на две ипостаси, сакральную (суфий) и профанную (трикстер). Уделено внимание заглавию второй части дилогии – «Очарованному принцу» – кого подразумевает автор под «принцем»: осла Пфака или главного героя? Рассмотрев разные уровни текста, мы приходим к выводу: принц – это Ходжа Насреддин. Принц – в фольклорно-архаической

---

²² Кржижановский С. Салыр-Гюль (Узбекистанские импресии) // С. Кржижановский. Собр. соч.: В 5 т. / Сост. и коммент. В. Перельмутера. Т. 3. СПб.: Symposium, 2003. С. 365–470.

²³ Зальцман П. Средняя Азия в Средние века (или Средние века в Средней Азии): Роман. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 472 с.

этимологии значит идеальный герой, такова авторская интенция в изображении Ходжи Насреддина, который архетипически восходит к трикстеру. Как нелепые поступки трикстера не соответствуют общепринятым нормам, так и поведение Ходжи Насреддина не соответствует представлениям, принятым в его окружении: то он надевает темные очки, то представляется чужим именем, чтобы напугать соседей, а потом почувствовать жизнь в городе похожей на тюрьму, а себя самым обездоленным. И Ходжа Насреддин сетует, обращаясь к Аллаху: зачем он наделил его страстью к перемене мест и одновременно любовью к дому и семье²⁴. Образ Ходжи Насреддина развивается в той последовательности, в которой идет становление суфия.

Ходжа Насреддин – транскультурный персонаж мирового фольклора. Его считают своим героем представители тюркоязычной, арабской, персидской, китайской культур, народы Закавказья и Балкан. Точнее сказать, каждый восточный народ непременно считает его своим фольклорным героем. Мы подробно рассмотрели крымскотатарскую версию этого фольклорного героя, а именно некоего *клона* Ходжи Насреддина – образ Ахмета Ахая, знакового персонажа крымскотатарского фольклора. В завершении разговора о Ходже Насреддине упомянуты слова узбекского литературоведа Лолы Разыковой о философском восприятии этого персонажа: Ходжа Насреддин – не только сын своего времени, но и его пасынок, он – человек «на все времена», он – зеркало, по-доброму пристрастно и неподкупно показывающее людям их слабости, причуды, изъяны, зеркало врачующее, оздоравливающее мир²⁵.

В четвертом параграфе 2.4. «*Ориентальные локусы*» продолжена аналитика уже упомянутых ранее городских среднеазиатских локаций, тех, которые с детства Л.В. Соловьева были для него любимыми, – это базар и чайхана. Всё, что Л.В. Соловьев, будучи еще подростком, видел там, слышал,

---

²⁴ См.: Там же. С. 9–10.

²⁵ См.: Разыкова Л. Главная книга писателя // Звезда Востока. 1981. № 10. С. 153.

осязал, чему удивлялся, что его радовало и смешило, впоследствии было перенесено в его творчество.

Таким образом, вторая глава посвящена строительным элементам ориентализма (или паттернам) в прозе Л.В. Соловьева.

Это среднеазиатские профессиональные или социальные типажи: *беданабоз, табиб, целитель, тащишка, масхарабоз, уйинчи, учитель, басмач*. Л.В. Соловьев описал и прокомментировал их в бытовом, психологическом, социальном ключе в «Восточных рассказах».

Это фольклор Средней Азии, присутствующий в поэтике повести «Кочевье», впервые вводимой в литературоведческую аналитику. Повесть Л.В. Соловьева «Кочевье» – средоточие ориентальных паттернов: словесный фольклор, обрядовая и ритуальная жизнь народов Средней Азии. В отличие от классического ориентализма, в этой ранней повести уникальна позиция повествователя, не стороннего наблюдателя, а слитого с объектом повествования.

Это мифопоэтика образа Ходжи Насреддина, в создании которого присутствует амбивалентный принцип: архетипы *трикстера* и *культурного героя, плута* и *суфия*.

Это распространенные в культурном метатексте ориентальные локусы – места коммуникации Востока: базар и чайхана, за которыми закреплён статус главных паттернов ориентализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В канон русского ориентализма XIX века входит изображение нравов, быта, культуры, социальных условий жизни восточных людей, в диапазоне от удивления до осуждения, при этом весь ориентальный вектор окрашен надеждой на скорую цивилизацию, которая придет со стороны русских завоевателей. «Советский ориентализм», в круг авторов которого входит Л.В. Соловьев, корректирует цивилизационную парадигму: *счастье* придет со стороны большевиков, советской власти. Оппозицией ориенталистского канона становится не *местное* и *русское* – а *местное* и *советское*, где «русское» в изводе «царская Россия» переходит в поле враждебности.

В работе сделан обзор современных точек зрения на явление и понятие *ориентализм*; выявлены и описаны паттерны ориентализма прозы Л. Соловьева, которые входят в круг поэтики ориентализма и уже – творчества Л. Соловьева, как-то: описаны и прокомментированы *ориентальные* социальные типажи (*беданабоз, табиб, целитель, тащишка, масхарабоз, уйинчи, учитель, басмач*), выполняющие функцию паттернов ориентализма; впервые в научный дискурс введена аналитика повести «Кочевье»; фольклорная поэтика образа Ходжи Насреддина представлена в рецептивной научной практике постсаидовской эпохи; рассмотрен рассказ Л. Соловьева «Солнечный мастер» как метафора взглядов писателя на литературу и искусство (этот рассказ также никогда не анализировался). В нашу НКР включены архивные материалы, не становившиеся фактом научного исследования.

Если Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе создает монографическое исследование²⁶ о русском ориентализме XIX века, то в нашей работе дан старт для изучения «советского ориентализма», тем более что большая часть текстов

---

²⁶ Схиммельпенник ван О.Д. Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П.С. Бавина. М.: Пол. энциклопедия, 2019. 287 с.

Л.В. Соловьева впервые появляется в его собрании сочинений²⁷, изданном в 2010 году. Качество публикации этого собрания вне критики – очень плохое: много ошибок в словах-ойкотипах и эндемиках, публикации не сопровождаются справочным аппаратом. Большинство произведений из этого собрания сочинений никогда не вводились в аналитику литературоведческих исследований, так что изучение прозы Л.В. Соловьева должно быть продолжено.

В качестве финала нашей работы считаем логичным привести слова Е. Калмановского, написанные сразу после смерти писателя: «9 апреля Леонид Соловьев умер. Он был человеком удивительной души и необычной судьбы, но и сама его жизнь, его писательская судьба заслуживает особой книги, ее следовало бы написать»²⁸, в чем мы видим перспективу дальнейшего исследования творчества Л.В. Соловьева.

---

²⁷ *Соловьев Л.В.* Собр. соч.: В 5 т. М.: Книговек, 2010.

²⁸ *Калмановский Е.* В поисках мудрости // Звезда. 1962. № 8. С. 184.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ НКР

Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. *Волохова Т.В.* Образ художника в ориентальной поэтике Леонида Соловьева // Вопросы филологии. 2019. № 3–4. С. 138–141.
2. *Волохова Т.В., Шафранская Э.Ф.* Поэтика ориентализма: повесть Леонида Соловьева «Кочевье» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2020. Т. 25. № 4. С. 648–656.
3. *Волохова Т.В., Шафранская Э.Ф.* Среднеазиатские социальные типы как паттерн ориентализма в прозе Леонида Соловьева // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 44–59.
4. *Волохова Т.В.* Ходжа Насреддин Леонида Соловьева: поэтика и генезис образа, мировоззрение героя // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 3. С. 235–240;

Статьи в других изданиях

5. *Волохова Т.В.* Судьба Леонида Соловьева и его героя Ходжи Насреддина // В поисках слова. Открытия минувшего: Сборник научных работ студентов, магистрантов и молодых ученых. Объединенный выпуск филологов и историков / сост. Н.Ю. Муравьева, И.Н. Райкова, Э.Ф. Шафранская; отв. ред. И.Н. Райкова. М.: МГПУ, 2015. С. 183–187.
6. *Волохова Т.В.* Он мечтал стать дервишем: биография Леонида Соловьева // «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...» Забытые писатели: Сборник научных статей / сост. и ред. Э.Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2019. С. 185–199.